

Весна, мы едем на Вёксу!

Неотвратимая, всегда весёлая, полная энергии поступь весны! С ней связаны у рыболова с. 1
самые тёплые ожидания. Они наполнены голосами детства.

Первыми начинают у нас весну жаворонки. Они приносят на крыльях горячую любовную песнь с юга, когда вокруг ещё только чуть-чуть дрогнули и порозовели снега, а реки ещё скованы льдом.

Взмыв в морозную высь, жаворонки, ликуя, рассказывают всем-всем о том, что жизнь непременно разорвёт оковы сна и вырвется, как птица, навстречу дню, навстречу «весне света».

Слушая песни жаворонков, начинает понемногу оттаивать застывшая бледная равнина неба... На ней появляются голубые полыньи и разводья, они растут и движутся, воздушная голубень разливается всё шире, выходит из берегов, затапливает всё, что только видно глазу: белые, сверкающие серебром поля внизу, тёмные голые леса, крыши и дымок деревень, тонкие провода и ажурные коромысла на плечах у вереницы стальных мачт, которые шествуют из края в край со своим неумолчным гулом семилеток, а он, этот певучий, лёгкий гул к весне с. 2
тоже становится громче и сливается с песней поднявшегося тёплого ветра.

В воздухе бурный ледоход начинается раньше, чем на реке. Намного раньше.

И над Москвой в эти дни проносится волна тепла. Она врывается на улицы. Проветривает площади. Склоняя перед влажным ветром голову, покорно тает потемневший снег. И женщины несут домой скромные букетики прилетевших из Крыма фиалок и быстро вянущие подснежники на озябших нестойких стебельках...

Затем, недели через полторы, снова возвращается волна холода, но жизнь рыболова, как у перелётной птицы, уже идёт по весеннему календарю. Рыболов знает: в это время вскрываются реки. А после начнутся по-настоящему тёплые дни, насквозь пронизанные солнечными ветрами, настойчиво дующими с юго-запада.

В конце апреля — начале мая самое время взять в руки приготовленную зимними вечерами стройную верную подругу удочку и отправиться с нею за город куда глаза глядят.

Каждого из нас волнуют по воспоминаниям заветные места на речках, каналах и озёрах и свои избранные способы ужения. Как это всегда бывает с глубокой любовью, она необъяснима. Разве можно доказать поклоннику Угры, что берега на Проне благодатней, или кому-нибудь втолковать, что, скажем, ужение в проводку интереснее, чем ловля язя на выползка на донку... Нет, каждый должен сам всё пережить и выбрать по сердцу речку и снасть.

Впрочем, может быть, тебе, рыболов, нигде подолгу не сидится на месте? Что же, бывает и так. Пусть нас гонит вперёд неуёмная страсть новых открытий. Есть ли что-нибудь, что надёжнее сберегало бы нам вечную юность, чем эта страсть!

И ты — особенно весной! — мечтаешь дёрнуть куда-нибудь на таинственные Голубые озёра или побывать на быстрых и тихих речках в нетронутой лесной глухомани, где прозрачные воды влекут тебя к себе уже одними древними своими именами: Киржач, Нерль, Кубря, Керженец, Жиздра, Вазуза, Унжа, как их нарекли на заре своего детства племена охотников — твои предки, кого ты успел уже позабыть за последние полтора-два тысячелетия.

Как бы там ни было, а всех нас объединяет в эти дни радостное чувство: наступил неповторимый праздник первого выезда на воду! Весна зовёт! Вода зовёт! Скорей, скорей в путь! Нельзя терять ни дня, ни часа.

У Курского вокзала, на Садовой, там, где на скромных воротах, ведущих в довольно запущенный провинциальный дворик, притулилась вывеска московского общества «Рыболов-спортсмен», на широком тротуаре растёт оживлённо обменивающаяся приветствиями группа

*Херсонский, Х. Весна, мы едем на Вёксу! / Х. Херсонский // Рыболов-спортсмен: Альманах. — М.: Физкультура и спорт, 1961. — Т. 16. — С. 118—128.

«чудаков». Она приковывает к себе изучающие, потеплевшие либо насмешливые взгляды прохожих.

с. 3 В самом деле, что за легкомыслие! На головах, вместо приличествующих весной новеньких шляп с полочки магазина, — помятые серо-коричневые кепки, бывшие форменные фуражки с оставшимися после снятых эмблем разных ведомств белесыми силуэтами на тёмном поле околышей, парусиновые панамки, а если и шляпы, то хлебнувшие столько радостей под дождём и солнцем, что первородный цвет фетра давно уже утерян. Но «старый друг лучше новых двух...»

На плечах у них — потёртые дорожные куртки, стёганные ватники и брезентовые плащи. На ногах — резиновые сапоги. А вон те двое или трое... поглядите-ка, чем ещё запаслись! В руках — нечто среднее между бывшим пледом и бывшим пальто, давно потерявшее права называться и так и этак.

Народ бывалый, они привыкли трястись в грузовиках и спать прямо на земле, они умеют чувствовать себя дома в любой обстановке, хотя бы у костра в лесу или на полу избы в далёкой деревне. И работёнка им, ничего не скажешь, предстоит мокроватая, среди грязи, а может статься, и под весенним дождичком, ещё и пополам со снегом.

Оглянувшись по сторонам, они переходят к липке — она воткнута года два назад в дырку, сделанную для неё в асфальте городского тротуара. Складывают к её стволу в общую кучу рюкзаки, набитые неизвестной кладью. Листва на липке ещё не распустилась. Неокрепший тёмно-коричневый ствол и голые ветки — единственное, что этим людям напоминает здесь о лесе и о берегах, по которым они мечтают поскорее побродить, вырвавшись из сутолки города.

Они стоят тесной гурьбой и ждут.

Время от времени к ним присоединяются новые и новые участники поездки, также снимают с плеч и складывают рюкзаки и, пожав товарищам руки, перекидываются коротенькими фразами:

— Не рано?

— Как знать...

— На Сенеже в субботу начал карпика шевелиться.

— Подрос?

— Угу.

— Почки уже набухли.

— Это только в городе... На улицах всегда раньше. Тут и камни греют.

Остроконечные свёртки в тёмных чехлах сложены подобно партизанским винтовкам на бивуаке. Проходящая с недоумением смотрит и хмурится. «Милая вы моя! Мы рыболовы — весёлое племя. Берите удочку — и едем с нами! Хватит и на вас свежего воздуха, солнца, острых запахов леса... Научим удить рыбу, — хочет сказать ей один из компании, человек с добрыми, смеющимися глазами. — Вы сочтёте нас чудаками. Но ведь правду сказал Горький: чудаки украшают жизнь!..» Ей за сорок. Ему раза в полтора больше. Но с этим ничего не поделаешь — весна! — и у обоих на мгновение вспыхнул в глазах ласковый свет. А над их головами вдруг по-мальчишески молодо заиграло голубое апрельское небо. В душу женщины запало какое-то сомнение. Она уходит не спеша.

с. 4 — А что слышно об Удомле? — спрашивает один рыболов другого.

— Говорят, зеркало километров четыре на пять.

— Подходяще...

— Глубина — кто говорит до сорока, а кто и больше... И острова, покрытые густым ельничком.

— Эх, далековато...

Речь идёт о малоизвестном заманчивом древнем озере на северо-востоке от столицы. Оно сулит чудесный отдых и рыбалку в тихих, глухих краях за Вышним Волочком, километров за триста пятьдесят «с гаком» от Москвы.

Рыболов вздохнул. Он смотрит вслед женщине и думает: «Какая это, должно быть, вечная тоска, какая смертная скука — прожить столько лет и не увидеть, что такое ранние фиолетовые рассветы над рекой, не услышать пенья птиц в лесу перед восходом солнца и не узнать, какая радость держать на трепещущей удочке бурно упирающегося окунька».

В три часа подходит автобус, рыболовы усаживаются. Удочки уложены к стенке на заднее сиденье. Рюкзаки — у ног. Машина трогается в путь. Пока она выбирается из города на Ярославское шоссе, всмотримся в их лица, начнём знакомиться.

Видимо, старшиной в своей среде считают они высокого серебряного старика с ясными, искрящимися глазами и мальчишеским, свежим румянцем во всю щёку. Этому человеку пошёл восьмой десяток вёсен, а тут совсем не кстати ещё позавчера схватил подлый радикулит.

— Грелки, припарки разные жена приложила... Ну, думаю, пропал! Не еду... Однако ночью всё как рукой сняло. И сегодня с утра я бегом за мотылём... А удочки уж давно ждут...

Рассказывая, он рассыпает по всему автобусу счастливый смех.

— Потому и сняло, что они ждали... — отвечает ему другой.

Всего в компании пятнадцать стариков — ни одного моложе шестидесяти. Это едут пенсионеры; автобус общества предоставлен им посреди недели, а в субботу и на воскресенье его хозяевами станет более молодое поколение, занятое в другие дни на работе. А сегодня тут — преподаватель географии в прошлом, и руководитель университетской кафедры физкультуры, и шофёр... А остальные? Достаточно на минуту представить себе на плечах у них шинели, и отчётливо, без ошибки увидишь воинов, офицеров в отставке. Все — бывалые люди, много потрудившиеся и всего повидавшие на своём веку.

— Можно стать полковником в отставке, но ничто не в силах сделать тебя человеком в отставке! Ни годы, ни труды, ни дороги, ни припарки, — продолжает в углу сухопарый старичок с медно-красным лицом и торчащими во все стороны седыми перьями на голове.

Он очень напоминает выскочившего из котла и наполовину уже сваренного петуха, не желающего сдаваться. Жилы на его малиновой тонкой шее надуваются, а глаза мечут искры.

— Цицерон! — кивнув на него, предупреждает своего соседа, новичка в этой компании, бывший учитель географии. Он втянул голову в плечи и, окутанный шарфом, очень похож на птицу марабу.

— Мужчине столько лет, сколько его возлюбленной, так говорит поэт Илья Сельвинский, — поддерживая небезразличную и для него тему разговора, отзывается новичок.

Это сообщение производит довольно сильное впечатление. Четырнадцать стариков задумываются...

Чувствуя, что подкинута им идея может завести слишком далеко, новичок бросает спасательный круг:

— А, поскольку наши возлюбленные — это рыбалка, весна, вечно молодая природа, что касается рыболовов, всё ясно!

Он дружелюбно всматривается в лица незнакомых спутников. А те, в свою очередь исподволь поглядывая на него, прячут улыбку. Я чуть было не сказал, прячут улыбку в усы. Но тут представители нового, современного поколения стариков — они бреются. И обнажённые губы не только молодят их, они неожиданно раскрывают в каждом нечто интимное, непосредственное, не защищённое декоративными насаждениями.

Новичок видит перед собой волевых и даже упрямых, а порой и своевольных мужчин, умудрённых опытом. Но, впрочем, сейчас они готовы превратиться в подростков и юношей. Должно быть, именно потому они и любят свои коллективные поездки на рыбалку.

Молодость души! Она — не только в воспоминаниях и волнующих лёгких снах. Иногда, это случается особенно часто весной, счастливая молодость готова и наяву посетить нас, не обращая внимания на седину.

Новичок рад, что попал в компанию, близкую по возрасту. Врач-терапевт по профессии, он долгие годы скрывал тайную страсть к уженью рыбы, как непростительное чудачество, которого следует стыдиться. Но однажды прочёл в «Правде» под заголовком «Новый этап советского физкультурного движения» сообщение о постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, где рекомендовалось развивать массовый народный рыболовный спорт. И решил больше не прятаться.

Автобус мчится по шоссе. Всё реже задерживают потоки движения — машина тоже вырвалась на волю.

Город незаметно переходит в окраины. А окраины — в дачные посёлки и деревни. Если раньше среди строгих линий и плоскостей асфальта, стекла и камня скупно радовали глаз посаженные вдоль улиц ещё безлистные липы и островки скверов, то теперь уже выглядят островками скопления домов и холодные серые заводские стены с трубами среди моря деревьев и травы под широкими просторами неба...

с. 6 Да, весна ещё лишена зелени. Она ещё не успела одеться и, голая, зябнет по ночам. Но мягкие очертания и блеклые краски леса, облаков, земли, кустов чем дальше от города, тем больше согреты внутренним теплом.

Старики в автобусе подолгу смотрят в окна. Журчащий ручеёк разговора всё чаще прерывается молчанием. Проходит час, второй... День неторопливо склоняется к вечеру.

* * *

По той же дороге, туда же, на Вёксу, идёт «Победа» с тремя друзьями: Григорием Кузьмичом, Сергеем и Алексеем. Сергей — по профессии редактор, Алексей — поэт, Кузьмич — тоже литератор. Уже не первый год у них традиция весну встречать на речушке Вёксе, в дни хода плотвы.

Сейчас их мысли заняты тем же, что и у едущих в автобусе.

— Не рано ли? — спрашивает Алексей.

За окном проносятся бурные поля и лес с тёмно-зелёными метёлками прошлогодней хвои на елях и соснах.

— Кто его знает... Пожалуй, едем вовремя. Уже вторую неделю теплынь, — ноткой надежды в голосе отзывается редактор.

— Завтра будем на месте день в день, — уверенно успокаивает Григорий Кузьмич. — Какая бы ни стояла погода, плотва начинает идти в Вёксу из озера каждый год точно 28 апреля.

— Что же у неё — отрывной календарь? — усмехается редактор.

— Ты угадал! Из года в год я ловил её в этот день... Однажды 28 апреля подул свирепый северяк, налетала метель, руки мёрзли. А в другой год бывало, что 28 апреля стояла днём тропическая жара, мы оголялись до пояса и, лениво помахивая удочками, загорали, как греки, — вспоминает с улыбкой Григорий Кузьмич. — И всё же плотва шла на икромёт точно в этот день.

— Чем же вы объясняете это мистическое число? — вмешивается Алексей.

— Мистику, мой дорогой, природа не признаёт — в ней всё разумно.

— Ну, а каким же образом плотва разбирается в нашем календаре? — настаивает Сергей.

— Должно быть, чувствует длину светового дня...

— Не слишком ли тонко?

— Предложи другое объяснение... Я ничего лучшего не нашёл.

Все трое задумываются. Гипотеза Григория Кузьмича выглядит заманчиво, но не очень убедительно. Трудно найти прямую связь между тем, как весной растёт по секундам световой день, и сроками икромёта — главную роль тут всё же должна играть, по-видимому, температура.

с. 7 Катит, шурша по асфальту и покачиваясь из стороны в сторону, автобус. Рыболовы разом вздрагивают и поворачиваются к окнам каждый раз, когда на пути показывается бывшая речушка, — нынче они сплошь обезображены. Это уже не речки, а тёмные, пахучие стоки сбросовых вод. От их светлой юности остались только звонкие имена: Яуза, Клязьма, Серебрянка...

— А ведь каким украшением пригородов можно было сделать эти речки! — говорит Михаил Дмитриевич.

В его добрых глазах загорается тёмный огонь печали и гнева.

— Перестать гадить в воду! Очистить дно! Засадить долины речек садами и парками! — подхватывают голоса стариков. — Какую рыбу можно развести!.. — И у каждого встают в воображении картины прекрасного будущего.

Мчится по шоссе «Победа». Когда она миновала Пушкино, Алексей вспоминает:

— А ведь неподалёку отсюда речушке Серебрянке я был обязан тем, что стал рыболовом... и поэтом. В детстве, представьте, не испытывал никакого влечения ни к тому, ни к другому. Но однажды на берегу этой речушки — она тогда была очень поэтичной! — подсел, как все надоедливые мальчишки, к одинокому рыболову. Вот, думаю, чудак время убивает. Посидел мой рыболов и, должно быть, соскучился, решил домой идти, стал не торопясь вынимать удочку... И что же? Уже на ходу за червём погнался окунёк, ну и сел, бродяга, на крючок. Вынимает рыболов окуня, тот уже из воды показался, а в этот момент шашь за окунем щучка, схватила окунька и вылетела по инерции на берег. Очень сильное на меня впечатление это произвело, на всю жизнь. Вот оно — счастье удачи.

— У каждого из нас в детстве течёт своя светлая река... — отозвался редактор.

* * *

— Воря!.. Глядите, Вору пересекаем! Аксаковская любимица! — восклицает в автобусе молчавший до сих пор полковник, и его сжатые губы раздвигаются в улыбке, неожиданно очень мягкой, ребячливой, изобличая в характере неиссякаемую доброту, пронесённую через годы и войны.

И все в автобусе, переезжая через речушку, густо заросшую по берегам ольхой и тальником, мысленно поминают ласковым словом Аксакова. А неугомонный Цицерон с петушиной горячностью взрывается:

— Э-эх!.. Если бы поднялся сейчас Сергей Тимофеевич из земли и посмотрел бы на свою Вору, что с нею, бедняжкой, сделали. Попросил бы, наверно, зарывайте меня, братцы, обратно...

И в самом деле, когда же, наконец, наши реки — нежные, израненные русские красавицы — найдут решительную защиту? Неужели ещё не настала пора, чтобы народ, который с такой могучей хваткой и страстью строит, трудится, преобразует страну в победоносном стремлении к счастью, уделил своим рекам ту долю внимания и заботы, какую они давно от него ждут?

* * *

На 72-м километре «Победа» и автобус въезжают в Загорск.

с. 8

— Прошлой весной тут всё выглядело иначе, — говорит Григорий Кузьмич. — Поразительно, как быстро растут фабрично-заводские окраины вокруг Троицко-Сергиевской лавры. А в позапрошлом году здесь и вовсе ничего похожего не было — кругом пустыри. Каждую весну я въезжаю совсем в другие, в новые пригороды!

Машины с рыбаками пересекают городок, с его старенькими домишками, садами, монастырскими стенами, церковными колокольнями, новым домом культуры, новыми фабриками и заводами. Загорск нынче — это смесь нови со стариной. Как у старушки матери в старом доме рядом с иконами на стене появляются портреты сыновей — героев коммунистической семилетки, так рядом с Лаврой, бывшими купеческими лабазами и покосившимися домишками вырастают новые многоэтажные здания, кварталы заводских корпусов, детище комсомола — Парк культуры.

Машины вырвались из городка на шоссе, проложенное по древней дороге среди бескрайних лесов.

Шестьдесят пять километров от Загорска до Переславля-Залесского — красивейшая дорога в Подмосковье. Свободно и широко легли вокруг холмы, покрытые лесом. Разлетелись голубые дали... Горизонты отступили на двенадцать-пятнадцать километров. Бегут навстречу поляны, овраги, изредка деревни и поля. И, как войска, веками стерегущие землю, — леса, леса, леса, сегодня они ещё не проснулись после зимнего оцепенения.

Словно холсты, которые раскладывали в старину весной на земле крестьянки, белеют на склонах, обращённых к северу, лепёшки последнего, ноздреватого снега. А на обнажённых полях пробивается молодая, робкая зелень, набирающая силу, омытая дождями и ночными заморозками.

Люди, замороженные первой весенней встречей с природой, умолкают.

Они въезжают в край неприкрашенной русской старины. Вот налево, на полянке в лесу, промелькнула кирпичная часовенка, некогда поставленная на месте, где одна из жён Ивана Грозного родила в пути сына.

Ещё чуть дальше, за лесом, уже виднеется величавая гладь озера. А впереди на холме — застава и шлагбаум у въезда в Переславль.

* * *

За холмом внизу открывается глазам один из самых трогательных старинных русских городов, в его какой-то отроческой незащищённой красоте.

Трое друзей в «Победе» задумчиво смотрят на монастыри, на город и озеро.

Переславль, подобно Суздалью и Угличу, надо бы превратить целиком в город-музей, посвящённый младенчеству России. А если уж ставить в нём новые фабричные здания, то отступая от заставы, не портя искусного ансамбля белых монастырских башен, стен и красавиц церковных колоколен — неповторимого произведения талантливых рук народа — художника, умельца строителя и мечтателя.

с. 9

Машины спускаются с крутой горы в город — тут поворот налево на булыжное шоссе «местного значения», оно пойдёт по-над берегом, оставляя слева склоны холма с монастырской стеной на яру.

А справа, за избами слободы, — водяной простор. И в малиновой дымке виднеется далёкий берег на той стороне.

Вот она — колыбель великой мечты освободителей Руси и её преобразователей — князя Александра Невского и юного Петра, тружеников и воинов, поднявших родину из невежественного рабства, которым были скованы её дремавшие могучие силы, — по-старинному Клешино озеро, по преданию переименованное Петром в Плещеево... Первое учебное море его морских кораблей.

К ближнему берегу ветром прибило иссиня-серые поля тающего льда и сала, окаймлённые у береговой кромки светло-голубыми торосами. Зубчатые гребни торосов образовались, когда весенний шторм разломал лёд и льдины под напором ветра налезали на берег и, кроша одна другую, громоздились дыбом. Так они застыли и стоят неправдоподобным кряжем со сверкающими шлемами над бурой землёй — горят под лучами солнца холодным пламенем, упрямо напоминая об ушедшей зиме.

— А не зря Александр Невский, ещё мальчонка Саша, шустро бегал здесь по перволёдку и дёргал на блесну щучек и окуньков! — вдруг заявил Григорий Кузьмич. — Это потом пригодилось.

— Что ты хочешь сказать? — покосился Сергей.

— А ты бывал здесь на озере зимой? Помнишь полыньи, не замерзающие над тёплыми ключами даже в самые свирепые морозы?.. Глубина над этими ключами — я мерил — метров восемь-девять. Теперь попробуй себе представить... Вот привёл Александр свои полки в 1242 году на битву с псами-рыцарями к берегам Чудского озера. Почему он дал бой не на суше, а именно на льду? Так вот, Александр, как я подозреваю, первым делом позвал местных рыбаков. Скажите, други рыбаки, где у вас тут лёд обычно к весне потоньше? Как бывалый рыболов, он отлично знал: на русских озёрах лёд никогда не бывает ровным. К тому же, заметьте, дело было в апреле, когда ледок вообще становится предательским. Ну, и показали ему рыбаки тёплое место. А дальше как было? Немцы пробились сквозь русские полки бронированной свиньёй и погнали наших. Те врассыпную и налегке бежать... А это Александр немцев заманивал. Да ещё сам с лёгкой русской конницей налетел на них в затылок и поторапливал. Гнал, как говорят летописи, по льду с боем семь вёрст, а там рыцари, закованные в тяжёлые латы, с ходу и ухнули дружно в тёплом месте на дно... Теперь археологи собираются поднять их скелеты из ила в полных доспехах.

с. 10

— Тебя послушать, так надо было в летописях выразить всенародную благодарность местным рыболовам и тёплым ключам, — усмехнулся Сергей.

— А почему бы и нет! — живо отозвался Григорий Кузьмич. — Наши озёра и реки заслужили бесконечную народную благодарность. И, право же, принесут ещё немало подарков. Вот, скажем, никто до сих пор не может сказать, почему вся рыба в Плещеевом озере необыкновенно приятна на вкус, даже пресную плотву и ту нельзя узнать...

— Ключи нарзана? Или целебный боржом бьёт со дна? — с усмешкой спросил Алексей.

— Об этом скоро расскажут подводные охотники, — уклончиво ответил Григорий Кузьмич. — А кстати, не исключено, что они найдут и остатки кораблей Петра. Вообще здесь оживает так много воспоминаний о рвущейся вперёд светлой юности России, что хотелось бы сохранить это озеро, город, окрестные берега и для новой юности. Пусть молодёжь возьмёт озеро в свои руки! Разлетелись бы по нему белые паруса яхт, а зимой буеров...

Выехал на булыжное шоссе и автобус с пенсионерами. Сильный удар снизу подкинул сидков. Доктора пронизало такое чувство, будто он, подобно четвёртому спутнику, отделяется от земли и летит в Космос.

А бывалые рыболовы заранее схватились за спинки сидений и поэтому сравнительно уцелели.

— Это только начало! — успокоительно предупредил сосед. — Готовьтесь! Впереди ещё тридцать один такой полёт автобуса. До села Усолье — 36 мостиков. И каждый устроен остроумно: либо выше, либо ниже дороги на четверть метра. А мы едем на два километра ближе Усолия, на четыре мостика меньше...

Но за горбатую эту дорогу, видимо, взялись, наконец, всерьёз. Дальше путники увидели новые глубокие осушительные кюветы и кучи щебня и гальки... Дорогу у нас дорогам! Хорошим дорогам!

С озера тянуло холодком.

Машины с москвичами пересекли речонку-ручей Язовку, она же зовётся Крутень, и въехали в лес. Тут — зыбучий песок. Высокие золотые сосны и вырубки с мелколесьем. Дальше влево —

сплошные леса и болота, уделы ягод и глухарей. Тихий край. Чащи, налитые терпким настоем гниющих мхов и смолы. Поляны, окружённые шорохом и шумом хвои, немолчными, как шёпот океанских волн.

«Победа», словно ладья ныряющая впереди по волнам песка, внезапно остановилась. Трое друзей застыли без слов.

Диво дивное! Перед ними спокойно стоит на дороге и в упор рассматривает машину молодой лось. Пробежала минута, пошла вторая. Красавец лось не двигается и не выражает ни гнева, ни страха.

Алексей не выдержал, выскочил на дорогу и замахал на лося рукой:

— О-го-го! — закричал радостно.

Лось с недоумением гордо поднял голову и не спеша пошёл в молодой сосняк. Ветки сомкнулись за короной его рогов. «Как тучи окутавшие солнце», — подумал поэт. Ему показалось, что он слышал глубокое дыхание, вырывавшееся из ноздрей зверя.

Трое друзей оглянулись назад на тарахтенье. По дороге приближался автобус со стариками. Он кренился на ухабах и был похож на усталого канатоходца, раскачивающегося на проволоке. Ещё через четверть часа обе машины юркнули вправо, в заросли соснового мелколосья, и выехали к мосту. Вот она, наконец, Вёкса! Чистая быстрая речушка эта выскакивает на свободу из Плещеева озера и пускается наутёк на северо-запад, делая крутые повороты и излучины, словно белка-вёкша, скачущая по ветвям. Она мчится среди зарослей ольхи, берёзы и ельника в небольшое озеро Сомино.

Маленькая, бойкая белка — вёкша! Не от неё ли берёт начало затерянный корень названия речки Вёкса? А может быть, его надо искать в языке угро-финских племён? И кто знает, бурная, порожистая Вуокса на Карельском перешейке не родная ли сестра нашей вечно юной Вёксы?.. Вуокси по-фински означает также прилив.

Рыболовы спешили и молча стоят на мосту и у берега. Они смотрят на бегущую воду, как глядят в лицо любимой после долгой разлуки.